

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора ШОРИН Ю. Возвращение в Европу	2
История современности ФАХУРТДИНОВА Е. Давайте будем ближе!	3
Быт и нравы БОГАТЫРЁВ А. От «шлюба» к «учте»: как гуляли на королевских свадьбах в старой Польше.....	5
1150-летие Смоленска ЛАШКОВ А. Организация противовоздушной обороны Смоленска в июне-июле 1941 года	11
Просвещение и образование МАНУИЛОВА И. Из повседневной жизни воспитанников духовных учебных заведений Смоленской епархии в конце XIX – начале XX веков	18
Православная Смоленщина ПАРФЕНОВА Е. Верхне-Георгиевская церковь	23
Личность и эпоха ЧИСТЯКОВА Т. Поэт Иннокентий Анненский и бельский край.....	25
Воспоминания ЕВТИХОВ А. Кое-что из моей жизни	28
Изыскания ПОНОМАРЕВ А. Изразцовая печь конца XVII века из Свято-Троицкого Болдина монастыря.....	32
РОМАНКОВА Н. Залоговое состояние помещичьих земель Сычевского уезда Смоленской губернии в 1862-1869 гг.	38
Путевые очерки АЛИПЕНКОВА А., ФАХУРТДИНОВА Е. Цветково в Чернолесье	42
Архив АНИКЕЕВ В. Чистка.....	46
Книжная полка	52

Редакционная коллегия:

Юрий Шорин,
главный редактор

Леонид Степченков,
заместитель главного редактора

Иллюстрации на обложке:

1-я стр. Болдин монастырь.
Фото Е. Кутузовой, 2010 г.

Икона преп. Герасима Болдинского, XVIII век

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

214000, г. Смоленск,
ул. Октябрьской революции,
14-а, ком. 301.
Тел. (4812) 38-61-10
E-mail: kraismol@mail.ru

Отпечатано в ОАО
«Смоленская городская
типография»,
г. Смоленск, ул. М. Жукова, д. 16,
тел.: (4812) 38-28-65, 59-99-07
Печать офсетная.
Усл. печ. лист 6,5
Заказ № Тираж 400 экз.

КОЕ-ЧТО ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

Воспоминания старого дорогобужанина

(Окончание. Начало в №№4-6, 2012 г.)

Артемий ЕВТИХОВ

(1867-1952)

Октябрьская и декабрьская забастовки (1905 г.)

В октябре 1905 г. была Всеобщая железнодорожная забастовка, охватившая почти всю Россию, вызвавшая известный «куций» Манифест о разных свободах. Этот революционный пожар, казалось, был погашен, но все же душевное состояние властей не было спокойным, и сердца их учащенно бились. Это вынуждало их неослабно следить за поведением подозрительных, неблагонадежных в политическом отношении лиц, издавать строжайшие приказы, правила, ставившие подчиненных в известные рамки, дабы они и пикнуть не могли. Но, однако, волнения среди железнодорожников и вообще большинства населения не прекращались.

Наступил холодный декабрь месяц, а вместе с ним новая, «декабрьская» забастовка, оказавшаяся неудачной, как не поддержанная многими. Кроме того, в числе бастующих, как впоследствии выяснилось, оказались лицемеры, кои, дабы скрыть свое штрейкбрехерство, участвовали в собраниях бастующих, оставляя в то же время на столах, на месте службы, вместе с наложенными на них бумагами свои вторые экземпляры головных уборов, указывавших на якобы присутствие данного агента на службе.

В числе участвующих в этом новом революционном порыве по-прежнему, как в октябре, и я находился. Естественно, ввиду такого неустойчивого положения дела забастовка через несколько дней была вооруженной силой ликвидирована. Тогда, вслед за этим, началась расправа со смутьянами и их приверженцами, и меня как преступника, в числе других 28 человек «движенцев», удалили

со службы. Пришлось подчиниться такой участи. Понятно, тяжело было без занятий, т.е. без заработка прожить с семьей.

В таком положении, т.е. без службы, я находился около четырех месяцев. За этот период времени в разных местностях слышны были, как передавали, репрессии по отношению властей-угнетателей. Это заставило их переменить свой гнев на милость, ибо другого, по-видимому, исхода не было. После всего этого, наконец, последовало из Питера распоряжение местному ж.-д. начальнику о пересмотре наших, бастовщиков, дел. Вскоре затем я был вызван в общее присутствие управления дорог для опроса. Явившись в зал, я стал на весьма близком расстоянии от стола, где заседало 8-10 человек начальства, в том числе и суровая жандармская власть, дабы более отчетливо были слышны мои объяснения, но был осажен на почетительное расстояние начальником движения, очевидно, боявшегося (он был трусоват), кабы не стряслось чего недоброго.

Опрос был краток: как было дело, почему записался в железнодорожный союз, кто и какую роль играл в движении и т.д. В результате этого пересмотра я с товарищами, явившимися на допрос, был принят обратно на службу, но на общем основании как вновь поступающий и на временную должность, с уменьшением оклада жалованья против прежде получаемого.

В дальнейшем же начальство, в целях предотвращения нежелательных событий, учиняемых со стороны беспокойного элемента, пошло на уступки: были сменены с постов некоторые лица, произведены кое-какие реформы. Угнетать, ухудшать

положение служащих и рабочих, казалось, не было даже и в намерении; наоборот же, заметно улучшался быт, давались кое-какие льготы и т.д. И действительно, наружно движения масс как бы и не наблюдалось. Словом, казалось, уже была «тишь да гладь, да божья благодать» вплоть до войны с немцами, объявленной в июне 1914 года.

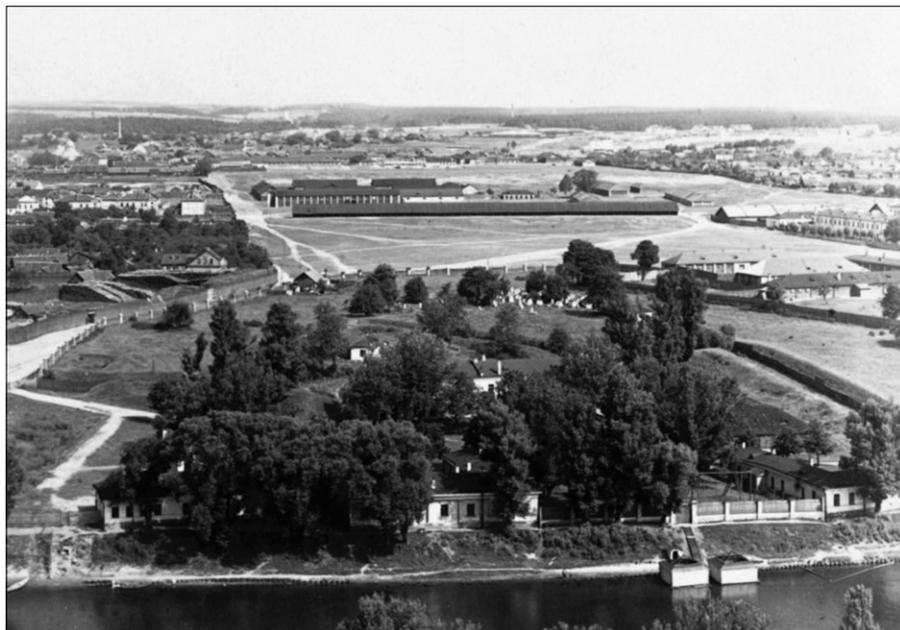
Великая война (1914-1918 гг.)

Война эта, вспыхнувшая из-за Сербии, в своем начале имела с нашей стороны некоторый успех, продвижение к Кенигсбергу, но зато впоследствии была сплошной неудачей. Бои все более разгорались, и немцы победоносно шествовали вперед, одолевая какие бы то ни было препятствия на своем пути.

При осаде немцами крепости Ковно в августе 1915 г. в городе Вильне на расстоянии 80 верст слышны были глухие звуки пушечной канонады, и поэтому вздрагивали оконные стекла. Бывая ежедневно на вокзале, мне приходилось видеть много раненых солдат, привозимых с места боя поездами, между которыми солдатами были оконеченные трупы, лежавшие в разных позах, с почерневшими и засиневшими лицами. Жутко делалось, смотря на такие ужасные картины мучеников.

Вскоре после сдачи Ковенской крепости стало известно о необходимости эвакуации города Вильны. Нам, служащим Управления дорог, было объявлено быть наготове к могущему быть отъезду. Затем, через день-два, приготовлены были на станции составы поездов и выработан план с указанием дня отъезда каждой службы и номера эшелона. Это незадолго приведено в действительность, так как продвижение немцев вперед продолжалось.

По объявлении времени отъезда началась суматоха по собиранию крайне необходимых легчайших вещей в дорогу. Извозчики брались нарасхват, да и таковых затем вовсе негде было достать, ибо почти все люди ринулись к выезду, не желая отстать от эшелона и попасть в цепкие руки немца, жестоко, якобы, расправлявшегося с пленными. Дома у

Вильна. Заречная часть. Фото С.М. Прокудина-Горского, 1912 г.

меня в то время приготавливался обед. Срок отъезда подходил к концу, оставалось чуть-чуть времени, было не до пищи. Аппетит сам собою уже исчез. Загасив под плитой огонь и оставив на ней горячее кушанье в посуде, я уехал с женою на вокзал (дети отправлены ранее) для эвакуации, надеясь, как думалось, вернуться обратно не более как через неделю.

По отъезде из Вильны была остановка после Барановичей на неделю, в предположении отбить немцев и эвакуироваться, но этого не удалось в действительности сделать упавшим духом войскам, и мы, по требованию военных властей, отправились далее до самого города Гомеля, где пришлось и остановиться.

Революционный период и конец войны (1917-1918 гг.)

Такое столь вопиющее дело — беспощадная и бесконечная бойня — создало в народе ужасное негодование, ибо почти не было семьи, в которой не нашелся бы убитый или искалеченный член семьи или родственник, и все-таки обещанного «победного конца» не было видно, причем к тому времени достигла полного своего развития при царском дворе распутинщина.

Все это вместе взятое вызвало в 1917 году сначала февральское

революционное движение, быстро и безболезненно сменившее царское правительство с царем во главе, и затем, через семь месяцев, второе, «октябрьское», которое окончательно упразднило старый строй. Но война все же и после этого продолжалась. Немцы, воспользовавшись расстройством наших войск, ринулись еще далее на нас, быстро заняв огромное пространство земель, включая Гомель и лежащую зади него территорию свыше ста верст до станции К... (?) и таким образом опередив нас, беженцев, застрявших в Гомеле. После чего был заключен с ними в Бресте Советской властью хоть не почетный, но все же мир.

Но всякому делу бывает конец. Так оно и случилось. Недолго (месяцев семь) пришлось быть у нас немцам, да есть вдоволь украинское сало с белою булкою, да запивать сладким белоснежным даровым сахаром. Развившаяся до наивысших пределов сила на западе со стороны французов, англичан, американцев и других заставила немецкие войска дрогнуть, насколько бы они не были крепки и дисциплинированы, а затем окончательно спасовать, и они, бывшие все время отменными храбрецами, принуждены были, наконец, заключить со своими победителями в Версале тяжелый мир, с уплатой больших контрибуций, и возвратиться со всех чужих земель восвояси.

После этого мирного договора немцы оставили, хотя как-то нехотя, и Гомель, в который с 1 января 1918 г. вступили советские войска.

Новый советский строй (1918 г.)

Вслед за уходом немцев в Гомеле сейчас же началось изменение старого порядка. Первым делом были сделаны ... (?) у ж.д. служащих Управления. Само Управление Полесских железных дорог переименовано в Отдел округа. Некоторые административные лица заменены другими. В делопроизводстве сделаны большие изменения.

Служащие ... (?) повышены в должностях и окладах содержания. Введена затем новая орфография и т.д.

Жизнь в Гомеле (1915-1924 гг.)

Начавшаяся жизнь в Гомеле после приезда из Вильны дала себя почувствовать. Дороговизна росла не по дням, а по часам. На местном базаре все меньше и меньше появлялось крестьян-продавцов, а приезжавшие обыкновенно обступались со всех сторон воза покупателями, дававшими продавцу за продукт или вещь ту цену, какую назначал продавец-хозяин. Естественно, при таких условиях продажи этот же хозяин по приезду в город в следующий раз назначал самопроизвольно повышенную цену за свой продукт, зная, что о снижении цены покупателями не может быть и речи.

Выходило после этого, в конце концов, так, что получаемого заработка за службу хватало лишь на 3-5 дней, а на остальное время месяца приходилось добывать себе средства к жизни путем сбыта и обмена своего имущества, путешествуя иногда для этой цели за сотни верст при крайне убойственных для здоровья условиях, среди зараженных эпидемическими болезнями и т.д. Эту роль выполняла у меня жена-страдалица, не щадившая ради спасения семьи и без того уже подорванного здоровья. Хотя я, как старший агент, был постоянно занят службою, но тем не менее все-таки пришлось и мне изведать отчасти этого «горького» хлеба, а именно:

во-первых, быть под залповым обстрелом поезда в трех верстах от станции Ромны; во-вторых, мерзнуть в холодных вагонах и на открытых платформах при сильном ветре; в-третьих, изнуряться под тяжелыми ношами, проходя большие расстояния; в-четвертых, соприкасаясь при поездке в вагонах и на станциях с эпидемическими больными, заразиться от них тифом, от которого я проболел два с половиной месяца и т.д., и т.д.

Так как продовольственный вопрос все более обострялся, и надежды на улучшение не предвиделось, то, в конце концов, семья моя, спасаясь от голода, вынуждена была переселиться на временное жительство в Полтавскую губернию, где продукты питания были гораздо дешевле.

Возвратиться мне с семьей в Вильну не было возможности, ибо этот город занимали сначала немцы, а затем поляки и лишь короткое время советские войска, и я, прослужив в злополучном Гомеле до 6 декабря 1921 года, был уволен от службы с перечислением на социальное «обеспечение».

Мое «литераторство» (1904-1924 гг.)

Первым долгом моим в свободное от службы и домашних дел время было чтение книг, газет, журналов, каковых я уже имел достаточное количество, пользуясь, по большей части, виленскими солидными библиотеками. Это дало мне возможность кое-что прибавить к своему скудному запасу знаний. Страсть к писанию овладевала мною, и я сделал попытку набросать сначала рассказ «У друга», взятый из жизни канцеляристов. Неказистыми, как говорится, были мои изложения, слишком просты, тягучи, неупорядочены, как следует. Да, собственно говоря, особенно некогда было этим делом основательно заняться, сосредоточить мысли: нес службу, исполнял неотложные домашние работы, воспитывал большую семью и лишь урывками, по большей части ночью, удавалось кое-что сделать, да и то иногда под укорами жены, которой занятия мои казались бес-

полезными, напрасно истребляемыми керосин. По этой причине я колебался предъявить кому бы то ни было свою любительскую работу, решившись на это только в 1904 году, после переговоров с некоторыми из послуживцев-литераторов.

Из предложенных затем мною редакциям некоторых рукописей были помещены, кроме мелких заметок, в газетах и журналах статьи:

1. «Об устройстве колонии» – в «Нашей газете», издававшейся в управлении Полесских железных дорог в 1904-1906 гг.

2. «В поисках квартиры» – в газете «Виленский Вестник» за 1910 г.

3. «Я полковника» – в газете «Минский Голос» за 1910 г.

4. «Жизненный вопрос» – в журнале «Вестник Полесских железных дорог» за 1912 г.

5. «Чиновник-хозяин» – там же.

Последняя статья в дополненном виде издана мною отдельно брошюрою для распространения среди лиц, заинтересованных в жизни на лоне природы.

Кроме того мною написано еще несколько статей, рассказов и проч.

Желая, при первой возможности, напечатать что-либо из имеющихся у меня рукописей отдельно или в виде сборника, я обратился в Гомеле к заведующему цензурою на предмет получения на это разрешения. Последний, продержав рукописи несколько дней, вернул их мне обратно, сказав приблизительно так: «Все это устарело. Теперь таких отношений между людьми уже более не существует и быть их не может: люди живут по-новому, свыклись за шесть лет с новыми порядками, совершенно другими, чем раньше, условиями жизни. Я не могу этого разрешить. Напишите что-либо из современного».

Так я и ушел, разочаровавшись. Писать что-либо после подобного ответа как-то уже не было ни охоты, ни цели, и я отложил это дело, как говорится, в долгий ящик.

Об изобретениях (1907-1924 гг.)

В период времени своей железно-дорожной службы я всемерно старался принести обществу какую-ли-

бо особую пользу, чем только мог по своим силам и способностям. Между прочим, тайною моею мечтою было устранение или, по крайней мере, сокращение до минимума происшествий на железных дорогах с поездами и людьми, приносящих народу колоссальнейший вред и убытки, в особенности в период учащенного курсирования поездов, как это было до последней войны с немцами. С этой целью я рекомендовал дорогам свои следующие изобретения:

1. Приспособление, предупреждающее въезд поезда на станцию при закрытом семафоре.

2. Самопишущий контрольный прибор, отмечающий случаи проезда закрытого семафора,

3. Приспособление, предупреждающее отправление поезда на закрытый перегон.

4. Аппарат, показывающий, на какой версте перегона находится поезд.

5. Стрелочный затвор.

6. Новый способ сцепки вагонов.

Эти мои предложения были направлены в Отдел изобретений и улучшений техники транспорта при Техническом комитете НКПС в 1921 году, где были рассмотрены, причем за некоторые из них в поощрение мне была назначена денежная премия.

В то время, т.е. в 1921 г., как известно, разруха, расхлябанность транспорта, которым пользовалось ... (?) почти все население, достигли наивысших пределов. Решать что-либо в смысле улучшений, усовершенствований, а тем более вводить новшество, сопряженное с большими расходами, естественно, не представлялось возможным, и таким образом наискреннейшее мое желание не могло быть проведенным в жизнь и написанное мною покоится в числе общей массы всевозможных проектов.

Об устройстве жилищ (1898-1914 гг.)

Зная отлично на горьком опыте, как трудно жить под чужим кровом, под «неослабным» надзором «хозяина» или «хозяйки», имея детей тем более малого возраста, и при том постоянно приобретать на базарах сомнительного качества продукты,

**Вильна. Общий вид с северо-востока с Замковой горы.
Фото С.М. Прокудина-Горского, 1912 г.**

я старался избавиться, выйти из такого зависимого положения путем приобретения дома с землей, т.е. обзаведением собственного гнезда, чтобы возможно было жить самостоятельно и более спокойно.

Такую насущную необходимость я доказывал многим лицам и устно, и печатно, рекомендуя переселиться в деревню. Проезд по железным дорогам в то время был дешев, в особенности при покупке пассажирами сезонных и месячных билетов, а для железнодорожников совершенно бесплатным. Эта мысль моя в свое время имела успех: группы лиц, проживающих постоянно в городе, купили себе загородные имущества и переселились туда, будучи довольными своею новою сельскою жизнью.

Для осуществления такого же плана на деле я поступил следующим образом. Получая небольшое жалованье, у меня исподволь, в течение нескольких лет, оказалось обязательных сбережений в ссудо-сберегательной кассе железнодорожных служащих около ста рублей с небольшим. Эту сумму я затребовал из кассы и кроме того сделал в ней заем в таком же размере, причем еще одолжил у своего друга двести рублей. Таким образом я собрал более 400 рублей, за каковую сумму и приобрел деревянный дом с арендной землей в 600 кв. саж.

С переходом в этот дом, несмотря на долговое обязательство, материальное положение мое ничуть не ухудшилось, ибо вместо уплачиваемых прежде денег за квартиру домовладельцу таковые шли на погашение долга. Кроме того, получалась значительная польза и с огорода. Следовательно, никаких обременений в материальном отношении не было; наоборот же, после уплаты долга оно становилось лучшим, так как ценность имущества возрастала, а это уже являлось обеспечением, хотя в некоторой степени, на старости лет. Дом этот пришлось все же продать, вместо него был приобретен другой в более населенной местности, близкой к центру города.

Кроме данного имущества я по истечении еще нескольких лет купил участок земли около полдесятины в 5,5 верстах от Вильны, в красивейшей местности, окруженной с трех сторон чудным казенным лесом. Здесь я собственноручно в часы досуга с помощью членов своей семьи построил небольшой домик-дачу из старого гумна, затем сарай для скота и птиц, забор. По приспособлению помещения для жилья в теплое время я, сдав в аренду свою городскую квартиру, переселился в новое обиталище. С увлечением стал работать в нем. Энергии, казалось,

не было пределов. Первым долгом были посажены несколько деревьев и кустов, ... (?) насаждения прежнего владельца, возделан огород, устроены проходные дорожки, скамейки, беседка среди старой душистой сирени и серебристых тополей. Затем к довершению сего были куплены корова, поросенок, несколько кур. Одним словом, устроился во всем, согласно своему наискриннейшему желанию. Дети мои настолько полюбили свою «колонию», утопавшую в зелени и цветах, где им был полный простор, раздолье, где в изобилии получали сладкое молоко от своей милой буренушки, что не хотели ни за что оставить ее и жить в городе, как раз в противоположных условиях. Они за первое лето проживания там заметно поправились, пополнили, прибавили в весе, ожив духом.

В будущем времени, по приведении всего имущества в возможно лучший вид (всего сразу, разумеется, невозможно сделать), я рассчитывал путем обмена всего этого имущества как в городе, так и в колонии, приобрести где-либо в деревне большую площадь земли, где основательно заняться земледелием, садоводством, молочным хозяйством и проч., к чему я всю жизнь стремился и о чем беспрестанно мечтал, а тем более, что дети подрастали, которых нужно было пристроить к делу. Этого я вполне достиг бы, так как к тому уже имелась значительная возможность, добытая продолжительным, расчетливым и упорным трудом, путем многих лишений, но война, или, точнее, недобросовестные люди, радевшие на словах о народном благоустройении, ... (?) на деле преследовавшие личные цели, все мое созидание разрушили, весь труд уничтожили, заставив меня бросить на произвол все свое имущество, которое теперь распродано и расхищено. *(Далее несколько предложений зачеркнуты, их невозможно прочитать).*

Итак, вот при каких условиях и событиях протекала моя жизнь, моя тридцатитрехлетняя служба, закончившаяся, как выше упомянуто, полным для меня с семьей неблагополучием.

26 января 1924 года, Гомель